человека веру в бога, то это равносильно убийству, т. к. лишение человека веры в бога лишает его и царства небесного» [1, д. 27, л. 124].

Проповеди священников городов области – Пензы, Кузнецка и других отличались большей интеллектуальностью, социальной направленностью и актуальностью, приближением к проблемам сегодняшнего дня, по сравнению с сельской местностью, что объяснялось, по-видимому, уровнем аудитории, на которую рассчитаны проповеди, и священнослужителей, более молодых и профессионально подготовленных.

С 1944 г. по 1947 г. регистрировалась стабильно поступательная динамика подачи ходатайств об открытии церквей, затем – явный спад в результате очередного «закручивания гаек» в отношении конфессий со стороны государства: 1944 г. – 55 заявлений, 1945 – 168, 1946 – 192, 1947 – 67, 1948 – 35. Всего с 1944 г. по 1949 г. от православных верующих Пензенского края в различные государственные инстанции было подано около 600 заявления из 177 населенных пунктов области с прошениями об открытии церквей. Из всех поданных прошений 1944–1947 гг. было удовлетворено 89 из 31 населенного пункта области – 17,2 % к общему количеству ходатайств [1, д. 9, л. 6]. За 1948–1949 гг. большинство заявлений об открытии церквей поступило не в адрес уполномоченного Совета по Пензенской области, а собственно в Совет по делам РПЦ и другие центральные советские органы [1, д. 8, л. 4]. Уполномоченный Совета по делам РПЦ по Пензенской области Лысманкин Н.И. отмечал, что «организаторы подачи ходатайств об открытии церквей в надежде получения более быстрого и положительного ответа стали обращаться непосредственно в центральные советские органы» [1, д. 3, л. 96]. По количеству подававшихся прошений и по личным заявлениям уполномоченному Совета по Пензенской области об открытии церквей «лидировали» верующие Больше-Вьясского, Земетчинского, Кузнецкого, Лунинского, Наровчатского, Нижне-Ломовского районов [1, д. 3, л. 96].

Таким образом, укрепив свои позиции к концу Великой Отечественной войны, Русская Православная церковь стала мощной структурой. «И хотя плата за легализацию была очень высока – полная подчиненность властям и отказ от требования религиозной свободы, православие постепенно возвращало себе утраченное ранее положение духовного наставника русского человека» [3, с. 168].

Примечания

1. Государственный архив Пензенской области. Ф. 2391. Оп. 1.
2. Там же. Ф. 2392. Оп. 1.
3. *Давыдов С. Г.* Неформальное движение советской молодежи: от Сталина до Горбачева. М. : МОСУ, 2001. 254 с.

4. *Данилов А. А., Пыжиков А. В.* Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М. : РОССПЭН, 2001. 304 с.

В. Г. Кулаженко
Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (г. Минск)

ФОРМИРОВАНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОТЧЕТНЫХ ДОКУМЕНТОВ УПОЛНОМОЧЕННЫХ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР 1944–1965 гг. (по материалам государственных архивов Республики Беларусь)

Известно, что Великая Отечественная война вынудила правительственные структуры СССР выработать новые подходы к религиозным объединениям. Для налаживания связи с крупнейшей на территории СССР конфессией – Русской православной церковью (РПЦ) по предложению И. В. Сталина при Совете народных комиссаров (СНК) СССР (с 1946 г. Совет Министров (СМ)) СССР был создан Совет по делам Русской православной церкви (СДРПЦ), утвержденный постановлением СНК 14 сентября 1943 г. Основные функции новой структуры были изложены в Положении о СДРПЦ, утвержденном постановлением СНК СССР 7 октября 1943 г. На должность председателя Совета был назначен полковник госбезопасности Г. Г. Карпов, который с 1940 г. курировал церковные вопросы в наркомате внутренних дел.

Параллельно с формированием центрального аппарата встал вопрос организации работы на местах. В докладной записке на имя заместителя наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинского, датированной концом ноября 1943 г. Г. Г. Карпов предлагал ввести при СНК союзных республик, краев и областей институт уполномоченных Совета, кроме БССР и УССР где из-за большого количества церквей предлагалось создать особые республиканские Советы [17, с. 268]. К примеру, на территории Беларуси после освобождения существовали четыре епископские кафедры: в Минске, Бресте, Гродно и Пинске, которые насчитывали 1044 действующих православных церквей [14]. Однако предложение о создании Советов по делам РПЦ в БССР и УССР не было поддержано. Постановлением СНК СССР от 18 декабря

© Кулаженко В. Г., 2010

1943 г. в Союзе ССР вводилось 89 штатных единиц уполномоченных Совета. Для БССР и УССР был сформирован аппарат республиканских уполномоченных, которым подчинялись уполномоченные по 10 областям БССР.

Права и обязанности уполномоченных определяла «Инструкция Совета для уполномоченных» от 25 августа 1945 г., вторая редакция, которой была принята Советом 8 марта 1951 г. В инструкции были определены и основные направления работы уполномоченных: осуществление контроля за соблюдением советского законодательства о церкви и своевременное информирование СМ республики, облисполкома и СДРПЦ о состоянии Православной церкви, ее положении и деятельности, анализ ситуации и представление своих заключений по вопросам РПЦ, осуществление учета духовенства, а также церквей, молитвенных домов и монастырей [6].

Особое внимание Совета уделялось работе по сбору информации о положении РПЦ и составлению ежеквартальных информационных отчетов. Согласно инструкции, уполномоченные должны приводить в отчете сведения о количестве храмов и духовенства, состоянии религиозности населения. Все статистические и отчетные материалы носили секретный характер

Текстовая часть отчета дополнялась статистическими таблицами по установленной форме: В форму № 1 «О количестве действующих церквей…» включались сведения об общем количестве зарегистрированных, снятых с учета, количестве незарегистрированных церквей, о наличии районов, где церкви отсутствуют. Форма № 2 «О составе православного духовенства, о поступивших ходатайствах об открытии церквей» представлялись данные о количестве священников, дьяконов и псаломщиков (по годам), время посвящения в сан, возраст и образование (духовное, светское), количество выбывших и вновь рукоположенных священников за отчетный период. Форма № 3 «О молитвенных домах, находящихся в общественных зданиях» содержала сведения об общем количестве молитвенных домов в общественных зданиях, о том, были ли ранее данные помещения церковными, количество помещений изъятых и предоставленных взамен». Форма № 4 «О поступивших ходатайствах об открытии церквей» содержала информацию о местонахождении церкви, количестве подписавших заявление и принятых посетителей. Впоследствии количество и содержание приложений к информационным отчетам менялось. В 1950 г. добавлены сведения о монастырях и духовных учебных заведениях. Приложение к отчету нередко дополнялось полным списком церквей с указанием их местоположения, списками священников с данными об

их месте службы, возрасте и уровне образования, а также анкетами и списками преподавателей и учащихся семинарии.

Необходимо отметить, что как характер деятельности, так и форма и содержание отчетности уполномоченных не была постоянной. В первые послевоенные годы уполномоченные, кроме стандартного набора вопросов, по особым запросам Совета дополнительно давали характеристику состава духовенства, освещали деятельность по открытию пастырско-богословских курсов, приводили сведения о патриотической деятельности церкви, священниках участниках партизанского движения, о переходе православных приходов в юрисдикцию Московской патриархии, о деятельности незарегистрированных священников, о мероприятиях по репатриации православного духовенства и верующих из Белостокского воеводства Польши в БССР и т. д.

Однако содержание и оформление информационных отчетов по областям нередко вызывало критику Совета и республиканского уполномоченного, который делал в свою очередь сводные отчеты по республике. Так, например, по итогам 4-го квартала 1945 г. Уполномоченный по БССР Н. П. Чесноков отмечал, что отчеты уполномоченных по областям БССР имеют низкое качество и написаны наспех. Уполномоченный по Брестской обл. Авласенко А. Е. написал отчет от руки, и целые страницы оказались неразборчивы, уполномоченный по Бобруйской обл. Шеленговский Д. Ф. вовсе не представил отчет. Удовлетворительным был признан лишь отчет уполномоченного по Гродненской области – Макаренко И. Т. [1].

Причинами нерадивости при оформлении отчетности, предоставления неполных или непроверенных данных была низкая квалификация некоторых уполномоченных, кроме того, на первоначальном этапе, многие из них не имели четкого представления о своих функциях, правах и обязанностях, а также о реальном положении Церкви.

Нормальной работе не способствовали частые командировки уполномоченных по линии облисполкома для наблюдения за различными хозяйственными компаниями. Многие не имели нормальных рабочих помещений, не хватало элементарных канцелярских принадлежностей.

В целом в период 1944–1948 гг. перед уполномоченными была поставлена цель налаживания связи между Церковью и органами власти. В их задачи входило наблюдение за соблюдением законодательства о культах. Иногда уполномоченные оказывали практическую помощь в организации работы приходов, пастырско-богословских курсов, в выделении помещений, обеспечении дровами, продовольствием и пр. В этот же период проходила компания по изъятию у приходов

зданий, занятыми верующими во время войны, были случаи грубого, административного вмешательства во внутреннюю жизнь церкви.

Совет предпринимал меры по подбору квалифицированных кадров, улучшению условий работы уполномоченных, для правильного оформления отчетности разрабатывал инструктивные письма с подробными объяснениями и рекомендациям. Эти указания составлялись на основе анализа и обобщения информационных отчетов уполномоченных.

В 1946 г. в инструктивном письме Г. Г. Карпов так определил наиболее значимую задачу для уполномоченных – «В своей практической работе обратить главное внимание на более глубокое и детальное изучение происходящих в жизни церковных кругов процессов, изучение кадров духовенства, деятельности духовных учебных заведений, положения в монастырях и рассмотрение по существу существующих поступающих заявлений [7].

Совет постоянно корректировал вопросы, подлежащие освещению в отчетах. Например, по итогам 4-го квартала 1945 г. уполномоченным предлагалось расширить круг основных вопросов, добавив информацию о жизни церкви, об учете посетителей, о вопросах, которые ставят перед уполномоченными духовенство и епископат, об учете заявлений верующих и результатах их рассмотрения [2].

Как правило, в отчетах уполномоченные давали подробную характеристику, приводили биографические сведения о перемещенных и рукоположенных священнослужителях с указанием года и места рождения, происхождения, образования, мест служения и т. д.

Особый интерес для Совета представлял вопрос о религиозности населения, о количестве совершаемых религиозных треб и их динамике [3]. Например, в отчете за 2-й кв. 1946 г. по Брестской области в разделе – «О росте религиозности в области» уполномоченный по итогам собственных наблюдений делает следующее заключение: «Православная церковь в Брестской области опирается в своей деятельности на пятитысячный актив основателей-церковников, из которых 500 человек – молодежь …Религиозный обряд "Пасхи" в г. Бресте превратился в многолюдный праздник. К причастию в двух церквях города верующие привели свыше 450 человек детей до 7–8 летнего возраста. Посещение храмов высокое. Если в 6 благочиниях в 1941 г. посещали церковь 40 % верующих, то к 1946 г. процент вырос до 56. Кроме того в Бресте на 100 умерших приходится 93 похорон по религиозному обряду, на 100 рожденных – 57 крещений» [15].

Состояние и деятельность церкви, уровень религиозности предлагалось изучать по личным наблюдениям и следующим материалам: заявления, жалобы, ходатайства верующих, анализ бесед с посетителями, сведения финансовых органов [4]. Чтобы получить подобные

сведения уполномоченные делали запросы в райисполкомы, нередко обращались и напрямую к благочинным и приходским священникам, хотя Совет запрещал уполномоченным вступать в переписку с духовенством.

Очевидо, что в 1940-е гг. у уполномоченных еще отсутствовала четкая система сбора необходимой информации. Не случайно, что результатом анализа информационных отчетов за 3-й квартал 1946 г. стало инструктивное письмо Совета с категорическим указанием: «Не допускать даже видимости вмешательства во внутренние дела религиозных организаций… Контроль над проповедями недопустим… Нельзя производить специальные вызовы духовенства с целью получения у них сведений о церковной жизни…» [18, с. 272].

Факты явного администрирования при сборе информации были изложены в постановлении Совета по итогам проверки работы уполномоченного при СМ БССР В. С. Менькова за 1947–1948 гг., где указывалось, что последний: "…высказал требование архиепископу Минскому и Белорусскому Питириму об обязательной регистрации проводимых обрядов крещения, венчания, отпевания…» и далее: "особенно недопустимыми Совет считает факты, когда некоторые уполномоченные и представители властей (Бобруйск) брали у духовенства церковные записи о лицах, которые осуществляли те или иные обряды, даже проводили с этой целью обыски у священников (Докшицкий р-н. Полоцкой обл.) [5].

На тот момент эти, а также иные нарушения стали причинам увольнения республиканского уполномоченного, а также уполномоченных по Бобруйской, Гомельской и Полесской областям. Однако с течением времени жесткий контроль за проведением обрядов, а также лицами, в них участвовавшими, был узаконен.

Уже в 1940-е гг. для уполномоченных был выработан набор стандартных требований к оформлению и содержанию информационного отчета. В феврале 1947 г. был принят «План расположения материала (вопросов) в информационных отчетах уполномоченных совета» [8]. Окончательно требования к квартальным отчетам были сформированы в 1950 г., когда Советом был утвержден «Табель предоставления в Совет статистических сведений, информации и отчетности уполномоченными Совета». Нововведением являлось то, что с этого момента статистические таблицы по установленным формам № 1-3 предоставлялись один раз в год. Также были изложены требования к оформлению информационной записки о положении и деятельности монастырей, где должны приводиться характеристика состава монашествующих, характеристика церковной и хозяйственной деятельности, характер связи их с населением. Данная информация предоставлялась один раз в год.

В Табеле также давались разъяснения по оформлению информационных записок о положении и деятельности учебных заведений. Требовалось представить именной список, характеристику состава преподавателей, общую характеристику слушателей, итоги деятельности заведения за год, сведения, какие отступления от учебных планов и программ имеются. Данная информация предоставлялась два раза в год.

В Табеле было введено предоставление внеочередных донесений: о разного рода чрезвычайных происшествиях, имеющих отношение к церкви. Например, о религиозных шествиях, церемониях и сборах вне храмов и монастырей, а также о многолюдных службах в церквях (Пасха, Рождество, Крещение, большие праздники), о суевериях, нарушении духовенством законодательства о культах, о незаконных притязаниях духовенства и церковников, фактах незаконных и грубых действий в отношении духовенства и верующих. Подобная информация должна была предоставляться в Совет немедленно [9].

Однако уполномоченные на первых порах не восприняли требование о предоставлении специальных отчетов как обязательную практику. По итогам года уполномоченным по Бобруйской, Барановичской, Минской областям не предоставили в Совет специальных внеочередных сообщений о религиозных праздниках, а также об имевших место происшествиях и заслуживающих внимания событиях [10]. В дальнейшем составление специальных отчетов стало обязательным.

Особая ценность подобных отчетов в том, что уполномоченные давали информацию, полученную непосредственно по собственным наблюдениям. Например, в отчете «О пасхальных» праздниках в 1956 г. в г. Минске уполномоченный отмечает: «В ночь под «пасху» с 5 на 6 мая 1956 года я посетил все три церкви г. Минска, зам. республиканского уполномоченного тов. Крайко Н. Л. посетил Козыревскую церковь. Первый приход, посещенный мной, была архиерейская церковь. Вместимость этой церкви 400 человек, но в ту ночь церковь была переполнена, присутствовало примерно 600 человек. Так как желающие не могли вместиться в церковь, то возле входа в церковь на улице находилось 1200–1500 чел. Из всех присутствующих молодежи было приблизительно 10–15 %. Второй приход – кладбищенская церковь по ул. Долгобродской. Вместительность церкви 700 чел., но в эту ночь помещение было переполнено и прихожан находилось 1000–1200 чел. С трех сторон были открыты двери в церковь, возле которых стояло не меньше 1500 чел. Молодежи 10 %. Третий приход – собор на ул. Бакунина. Вместимость собора 1000 человек, но в эту ночь было народу 1400–1500 чел. И возле открытых с двух сторон дверей народу было еще 900–1000 чел. Молодежи 15–20 % [11]. Отчеты становятся более

содержательными и подробными. Нередко их объем составлял 50–60 машинописных страниц.

Постановлением СДРПЦ при СМ СССР от 1 июня 1957 г. уполномоченным было разрешено предоставлять с 1958 г. информационный доклад о положении и деятельности церкви один раз в год, отчетные доклады о работе уполномоченного – два раза в год. [12]

В 1950-е гг. для областных уполномоченных стало обязательным предоставление отчетов не только в Совет, но и председателю облисполкома, а также секретарю обкома КПБ по идеологии. К концу 1950-х г. Совет постепенно теряет возможность влиять на принятие решений по вопросам церкви, вместе с тем и аппараты уполномоченных все более попадают под контроль партийных органов.

В этот период в недрах партии созревает «новая» политика направленная на полное искоренение религии в СССР. В 1958 г. ЦК КПСС принял ряд постановлений, таких как: «О недостатках научно-атеистической пропаганды», «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам». Которые призывали организовать последний натиск на религию. В свою очередь СМ СССР принял постановления: «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений и доходов монастырей» целью, которых было максимально ограничить деятельность монастырей.

Все это отразилось на характере информации, представленной в документах делопроизводства уполномоченных. Факты прямого вмешательства в дела церкви и массового закрытия церквей занимают значительное место в отчетных материалах. Постепенно работа уполномоченных была полностью направлена на установление жесткой системы контроля за духовенством и верующими. Совет требовал подробного изучения содержания проповедей, фактов участия в богослужениях детей и молодежи, а также членов партии и комсомола.

Для установления контроля над каждым приходом при райисполкомах и райкомах КПБ создавались группы контроля за соблюдением законодательства о культах. Позднее были образованы группы общественного контроля. С 1 июня 1962 г. в приходах вводились книги учета состояния обрядности, ведение которых поручено отныне не священникам, а исполнительным церковным органам, к которым свободно могли обращаться уполномоченные и представители местной власти. В 1960 г. по заданию ЦК КПСС была разработана «Инструкция по применению законодательства о культах», по которой религиозным общинам запрещалось организовывать собрания, кружки, паломничества, экскурсии, библиотеки, заниматься благотворительностью и т. д.,

из храмов вынуждали изгонять нищих, были ликвидированы краткосрочные пастырские курсы.

Священники, допустившие нарушение, как например, неосторожное высказывание во время проповеди, совершение незарегистрированного обряда или обход домов верующих, предупреждались либо лишались регистрации, что нередко означало закрытие церкви. Например, уполномоченный сообщает, что снял с регистрации священника д. Хохлово Молодеченского р-на Малентиновича Евгения Ивановича за то, что он 9 февраля 1962 г. совершал массовое освящение домов жителей деревень Деразки, Лученские и Задворицы и занимался сбором денег по 50 коп с каждого двора, на ремонт церкви. Учитывая, что Хохловский приход является маломощный, исполком Молодечненского райсовета намерен ставить вопрос о закрытии Хохловской церкви [13].

В результате репрессивных мер с 1955 по 1965 количество церквей в Беларуси сократилось с 880 до 420, число священников и диаконов с 752 до 431, монахов осталось всего 16, а монахинь – 48 [16].

Сильный удар был нанесен и по духовным учебным заведениям. Минская духовная семинария формально не была закрыта, но из-за противодействия властей она не могла набирать семинаристов и после выпуска пяти последних учащихся в 1963 г. перестала функционировать.

В 1964 г. на внеочередном пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущева был отправлен в отставку. На пленуме его обвинили во многих стратегических ошибках, включая «перегибы» в политике по отношению к религии. Массовые гонения на церковь были приостановлены. Изменились функции и задачи Совета и его уполномоченных. Итогом стала реорганизация 1965 г. СДРПЦ при СМ путем объединения с Советом по делам религиозных культов в Совет по делам религий.

Таким образом, данный вид документов, является уникальным источником, содержащим ценную информацию о различных сторонах жизни церкви в наиболее драматический период ее истории.

Примечания

1. Государственный архив Гродненской области (ГАГрО). Ф. 478. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 2.
2. ГАГрО. Ф. 478. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 3.
3. Там же. Ед. хр. 6. Л. 1.
4. Там же. Ед. хр. 7. Л. 1.
5. Там же. Ед. хр. 7. Л. 6–7.
6. Государственный архив Минской области (ГАМО). Ф. 3196. Оп. 2. Ед. хр. 6 Л. 76–80.
7. ГАМО. Ф. 3196. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 2.
8. Там же. Ед. хр. 1. Л. 40.
9. Там же. Ед. хр. 4. Л. 50.

10. Там же. Ед. хр. 4. Л. 64.
11. Там же. Ед. хр. 4. Л. 76–77.
12. Там же. Ед. хр. 8. Л. 47.
13. ГАМО. Ф. 3196. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 48–49.
14. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4. Оп. 62. Ед. хр. 162. Л. 131–132.
15. НАРБ. Ф. 951. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 55–56.
16. НАРБ. Ф. 951. Оп. 3. Д. 72. Л. 19.
17. Докладная записка Г. Г. Карпова заместителю народного комиссара иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому об организации аппарата уполномоченных по делам РПЦ // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958 (Дискуссионные аспекты). М. : Институт славяноведения РАН, 2003. С. 266–268.
18. *Чумаченко Т. А.* Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР в 1943–1947 гг.: особенности формирования и деятельности аппарата // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958 (Дискуссионные аспекты). М. : Институт славяноведения РАН, 2003. С. 69–99.

Л. В. Лавреенко
Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина

ПРИХОДЫ МАЛОРИТСКОГО БЛАГОЧИНИЯ БРЕСТСКОЙ ЕПАРХИИ БЕЛОРУССКОГО ЭКЗОРХАТА НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1939–1944 гг.)

Продвижение границ Советского государства на запад территориально расширило юрисдикцию Русской Православной Церкви. В состав СССР включалась территория четырех епархий: Виленской и Лидской, Полесской и Пинской, Волынской и Кременецкой, Острожской.

Вскоре после сентябрьских событий находившийся на покое архиепископ Пантелеимон (Рожновский) выслал в Московскую патриархию письмо, в котором просил присоединить его к Русской Православной Церкви и назначить епископом Пинско-Новогрудским. Московская патриархия указом № 613 от 17 октября 1939 г. назначила архиепископа Пантелеимона на Пинско-Новогрудскую кафедру [7, с. 113]. В его подчинении находились приходы Гродненской и бывшей Виленской епархий в пределах Барановичской, Белостокской и Вилейской областей БССР. С октября 1939 г. по июль 1940 г. архиепископ Пантелеимон исполнял обязанности экзарха Западной Беларуси и Ук-

© Лавреенко Л. В., 2010